

УДК 330.3

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/40-54

Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И.
Ryzhova N.P., Zhuravskaya T.N., Feoktistova K.I.

**«Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию
института прав собственности на землю?**

**"Far Eastern hectare":
experiment of the creation of property right over land?**

В статье рассмотрены системы правил, убеждений, норм, определяющих регулярность поведения в рамках института собственности на землю, создаваемого программой «Дальневосточный гектар». Авторы анализируют дискурсы и повседневные практики (не)участников программы, основываясь на результатах серии качественных исследований. Показано, как сложившиеся постсоветские практики захватной собственности, а также патерналистский дискурс, преобладающий над либеральным, формируют противоречивый гибридный институт собственности на землю.

Ключевые слова: *институт собственности, захватная собственность, институциональная динамика, дальневосточный гектар, российский Дальний Восток*

The article deals with a system of rules, beliefs, and norms which altogether generate a regularity of (social) behavior within an institution of land property right created by the "Far Eastern hectare program." Authors using field research data (interviews and ethnographic observation) focus on discourses and everyday practices of the Program (non)participants. It is revealed that post-soviet practices of land and other property seizure together with paternalist discourse dominating over liberal one, contribute to creating of inconsistent hybrid land property institution.

Key words: *property institution, seizure of property, institutional changes, "Far Eastern hectare", the Russian Far East in economic activity, intercultural communications*

В России реализуется программа «Дальневосточный гектар» (далее – ДВ-гектар), в рамках которой каждый гражданин может получить в пользование земельный участок размером до одного гектара на Даль-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-32-00029

РЫЖОВА Наталья Петровна, д.э.н., профессор Академического департамента ДВФУ, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** ryzhova.np@dvfu.ru

ЖУРАВСКАЯ Татьяна Николаевна, к.с.н., доцент Академического департамента ДВФУ, научный сотрудник Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** zhuravskaia.tn@dvfu.ru

ФЕОКТИСТОВА Ксения Игоревна, ассистент Академического департамента ДВФУ (г. Владивосток). **E-mail:** feoktistova.ki@dvfu.ru

нем Востоке. Согласно соответствующему федеральному закону № 119 от 1 мая 2016 г. [7] программа вводилась поэтапно: с июня 2016 г. право на гектар по району регистрации получили жители пилотных дальневосточных регионов; с октября – жители дальневосточных регионов вне зависимости от района их регистрации; а с 1 февраля 2017 г. – все граждане РФ. Программа предусматривает передачу участка в безвозмездное пользование сроком на 5 лет, после чего, при соблюдении ряда – пока еще не вполне четко определенных – условий, землю можно будет оформить в собственность или долгосрочную аренду. На гектаре можно заниматься сельским, лесным или охотничьим хозяйством, организовать собственный бизнес, а также использовать в любых других, не запрещенных законодательством целях. Для реализации программы разработан специальный электронный сервис (сайт) «*НаДальнийВосток.ру*» [8], где заявители самостоятельно выбирают участки на интерактивной карте, и далее оформляют все необходимые документы онлайн. Для тех граждан, которые привыкли к более персонализированным отношениям предусмотрена возможность подачи документов на бумажном носителе в уполномоченный орган.

Согласно русскоязычной Википедии «Цель закона – привлечь внимание и ресурсы граждан к освоению территорий Дальнего Востока» [4]. Интерпретация российской версией всемирной энциклопедии цели программы соответствует идеям ее инициаторов, которые при внесении закона на рассмотрение указывали, что он «направлен на решение вопросов привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, снижение оттока местного населения, а также ускорение социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» [11].

Любые формальные правила (программы, нормативные акты), если они задают модели повторяющегося поведения, участвуют в формировании тех или иных институтов. Программа ДВ-гектар может участвовать в формировании института, стимулирующего внутреннюю миграцию; института, аккумулирующего средства граждан для развития территории; института, укрепляющего российскую государственность за счет заселения приграничных территорий; института собственности на землю; института передачи знаний в области ведения бизнеса и других. Мы смело предполагаем, что наиболее важный вклад вносится в формирование *института собственности* на землю, хотя и не исключаем, что инициаторы могли предполагать иначе. Наша «смелость» оправдана тем, что суть программы – в приватизации, или передаче земли, находящейся в государственной или муниципальной собственности, в пользование, а затем и собственность граждан. «Смелость» также поддерживается наиболее очевидной теоретической дискуссией, ведущейся в рамках новой институциональной экономической теории и связывающей передачу актива в собственность и заявленную цель «ускорения развития» и «освоения территорий».

Эта дискуссия, далекая от завершения, ведется вокруг вопроса о том, какая собственность (только ли частная? насколько четко должны быть определены права?) способствует экономическому росту. Очевидный вопрос, который следует задать в этой связи по отношению к программе ДВ-гектар (и конечно, прежде чем переходить к попыткам оценить влияние гектара на рост) – а какая собственность создается в рамках эксперимента с ДВ-гектаром? Изменяется ли четкость определения прав в результате эксперимента?

Если научная дискуссия о роли частной собственности в развитии без труда ассоциируется с либеральной повесткой и рыночными реформами, то в случае с ДВ-гектаром легко выявляется противоречие, ко-

торое мы и рассмотрим в этой статье. Если проанализировать контент электронного сервиса «*НаДальнийВосток.ру*» [8], через который должны проходить основные транзакции потенциальных получателей гектара и государства, то окажется, что рыночная экономика, частная собственность и либеральный дискурс совсем не являются для инициаторов программы основными. Термины «*собственность на землю*», «*бизнес*» и «*предпринимательство*» находятся в тени другого дискурса – назовем его патерналистским – который оперирует такими понятиями, как «*право на бесплатное получение земельных участков*», «*получение земельного участка в безвозмездное пользование*», «*социальная инициатива Правительства РФ*», «*меры господдержки в освоении новых земель*», «*социальные льготы*».

Иначе говоря, судя по тексту самого закона, документов, его сопровождающих, и структур его поддерживающих, государство ожидает некоего сподвижничества, инициативного движения граждан на восток для «освоения» и «ускоренного развития» периферий. А в обмен на сподвижничество предлагается земля, что дискурсивно оформляется как социальная забота государства о своих гражданах.

Отсюда можно сформировать гипотезу, что, хотя в результате действия программы ДВ-гектар институт собственности на землю и формируется, речь совсем не идет об «энциклопедической» (либеральной) частной собственности. Дискурсивное оформление ДВ-гектара в патерналистской логике при одновременном присутствии либерального дискурса содержит интригу, которая влияет на формирующийся институт и заслуживает исследовательского внимания. В своей статье мы анализируем не только дискурсы, но и повседневные практики применения нормативных актов по ДВ-гектару, что позволяет нам раскрыть сформулированные выше вопросы в следующих уточнениях. Как объясняется возможность получения прав собственности в рамках программы ДВ-гектар «обычными» людьми – для них это «забота государства», «предпринимательская возможность», что-то еще? Как это влияет на поведенческие реакции людей, уже проживающих на территории Дальнего Востока или предполагающих возможность переезда? Иначе – каковы когнитивные модели, системы правил, убеждений, норм, определяющих регулярность поведения в рамках создаваемого института? Насколько важны дискурс и практики структур (органов), созданных для реализации ДВ-гектара? Какова роль в формируемом институте унаследованных из прошлого институциональных элементов и существующих не-самоподдерживающихся альтернатив?

В работе использованы материалы серии качественных исследований, проводимых нашим коллективом – этнографического наблюдения в одном из сел Амурской области (летом 2015 и летом 2017 гг., в совокупности – около двух месяцев полевой работы); этнографического наблюдения в одном из сел Приморского края (2017 г. – около 3 месяцев полевой работы); 16 интервью с заявителями программы ДВ-гектар продолжительностью от тридцати минут до полутора часов (в т.ч. полученных в 2016 и 2017 гг.).

Статья состоит из трех разделов – в первом представлены базовые теоретические рамки, во втором – описан контекст проведения эксперимента, в третьем – описаны эмпирические данные (четыре конкретных случая обращения граждан за получением гектара) и представлены ответы на поставленные вопросы.

Институт собственности и институциональная динамика: подходы к анализу

На сегодняшний день сложилось два подхода к анализу институтов и институциональной динамики [3]. В рамках первого подхода институты – это нормы, правила, ценности, которые облегчают агентам выбор в условиях неопределенности. Во втором институты – это структуры, которые складываются в рамках взаимодействия людей и определяют их поведенческие рутины. Таким образом, в первом случае изучается, как институты влияют на поведение, а через это – на исходы экономических систем (например, на динамику их роста), а во втором – как сами институты-рутины формируются. Мы вначале кратко рассмотрим каждый из подходов, затем объясним выбор нами теоретической рамки.

Институциональная динамика: функциональный подход. Теоретическая дискуссия, связывающая экономический рост и институты собственности, была начата в работах Дугласа Норта [22]. Эта тема стала буквально мейнстримом с тех пор, как стало понятно, что либеральная программа, а вместе с ней повестка рыночных реформ в незападных странах не оправдались. Несмотря на достигнутые консенсусы ученых и политиков бедные страны, применившие «либеральные рецепты», остались бедными, и ничего не помогает им догнать страны первого эшелона. Дуглас Норт был первым, кто предложил удачную, быстро ставшую влиятельной рамку, объясняющую причины такого положения. Он и его коллеги сделали акцент на институтах или правилах игры, которые не могут измениться в одночасье по желанию кого бы то ни было и которые постоянно возвращают отдельные общества на заданные траектории исторического развития [9].

Особое внимание в рамках этого подхода уделяется институтам собственности: например, Норт утверждал, что экономическая революция, позволившая некоторым странам вырваться вперед, была связана именно с оформлением права собственности на землю [22].

Связь между четкостью определения прав собственности и ростом рассматривалась в эмпирических трудах Р. Баро [14], И. Глейзера и др. [16], Д. Асемоглу [13], Д. Родрика [24], Т. Бисли и М. Гатак [15]. Например, Бисли и Гатак показали, что рост зависит от инвестиций, а инвестор в свою очередь не будет вкладывать ресурсы в актив в том случае, если существует риск его правительственной или частной экспроприации. Они идентифицировали четыре канала, объясняющих связь между защищенными правами собственности и ростом: 1) защита от экспроприации выступает стимулом для инвестиций, так как собственник может прогнозировать возможности использования результатов от владения активом; 2) защита мобильности ресурса ускоряет рост, так как собственник может передать актив другому собственнику, который будет использовать его эффективнее; 3) снижение затрат на защиту прав пользования активом означает более эффективное расходование ресурсов на производственную деятельность, что также стимулирует рост; 4) собственность может снижать трансакционные издержки, так как хорошо определенные права собственности позволяют использовать актив, например, для привлечения ресурсов с финансового рынка.

Не все исследователи согласны с тем, что защита прав собственности, а тем более частные права собственности – основной ингредиент экономического роста [16; 23; 21; 25]. Например, А. Шмид утверждает, что некоторая доля неуверенности в правах на самом деле является обязательным требованием для роста и развития. Он исследует опыт истории США в освоении фронта и, конкретно, в строительстве железных дорог и каналов и приходит к заключению, что для производства инноваций предприниматели должны быть готовы к некоторой неопределенно-

сти в их правах собственности, которая может не быть полностью компенсированной. Более того, по его мнению, полностью защищенные права собственности будут снижать стимулы к инновациям и, как следствие, снижать темпы роста [25].

Таким образом, представители функционального подхода согласны в значимости прав собственности для роста, но не пришли к согласию по поводу того, какой вариант оформления этого института является «наилучшим».

Институциональная динамика: структурный подход. В отличие от экзогенных институтов, влияющих на рост, структурный подход интересуется тем, как отдельные акторы формируют конкретный институт. Этот подход в большей степени используется социологами и антропологами (реже – экономистами). Применительно к исследованию собственности можно вспомнить работу британского антрополога А. Макфарлейн [20], который доказывал, что система индивидуальной собственности в Англии развивалась в течение столетий благодаря двум особенностям: делению прав собственности при неделимости вещи, а также централизованному феодализму, защищавшему индивидуальные (что важно – не семейные) права аристократии. Макфарлейн также настаивает, что исторически английские особенности не были повторены ни в одной другой стране мира. Пример подобного анализа со ссылкой на исследование Макфарлейна представлен в [9, с. 151–197].

Идея о невозможности повтора англосаксонской модели собственности развивается в трудах К. Ханна [19]. Он утверждает, что собственность настолько сильно зависит от культурного контекста, что конструкции, описывающие феномен в одной стране, вообще не имеют значения в другой. Он утверждает, что английский концепт *property* тесно связан с пре-капиталистическим владением землей в Англии и поэтому с трудом может быть применен даже к отношениям собственности в Германии, что и говорить про гораздо более удаленные, например, полинезийские контексты. Более того, «стандартная либеральная модель», предполагающая владением исключительным титулом собственности, не является единственной даже для англосаксонского мира и может приобретать разнообразные формы за его пределами. Хорошей иллюстрацией выводов К. Ханна является исследование К. Вердери о приватизации и реституции собственности на землю в Трансильвании. По мнению Вердери, поведение крестьян оказалось непредсказуемым, совершенно отличным от ожиданий экспертов. Оказалось, что крестьяне не стремятся к кооперации даже при остром дефиците трудовых ресурсов, не хотят консолидировать участки, не могут инвестировать в землю, но хотят вернуть земли, принадлежавшие их семьям, даже если не смогут их обрабатывать. Сопротивление новым экономическим правилам характеризует, по Вердери, не только поведение крестьян, но и представителей власти, которые своими действиями препятствовали проведению реформ, стараясь сохранить свой властный статус. К. Вердери также отмечает, что сопротивление изменениям, а именно коллективизации, было характерно и для социалистического периода, и именно оно позволило сохранить, пусть и в скрытой, латентной форме культуру собственности на землю [26].

Таким образом, представители структурного подхода настаивают на важности культурного контекста и подчеркивают, что «частная собственность» в зависимости от культурного контекста может определять совершенно разные феномены.

Рассмотрение институтов как функций (и исключение из рассмотрения рутин) точно не подходит для ответа на заданный нами вопрос о том, что за институт создается благодаря ДВ-гектару. Но и анализ только процесса складывания рутин нас не может устроить, так как в конечном счете мы хотим понять, как формирующийся гибридный институт влияет

на поведение людей. Иначе говоря, нам необходим синтез структурного и функционального подходов к анализу институциональной динамики. Такое синтетическое направление сейчас тоже развивается, и наиболее влиятельный вклад в него сделал Анвер Грейф. Институты, по Грейфу, это «системы правил, убеждений, норм, и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения» [3, с. 21]. Он рассматривал многосторонние механизмы репутации, обеспечивавшие экономические обмены на Шампанских ярмарках; институты координации ответных действий купцов по отношению к городам, которые нарушили условия соглашений о торговле (Ганзейские купеческие гильдии); особенности позднесредневековой европейской «круговой поруки», когда торговцы наказывали членов своей общины, обманувших других людей, что влияло на репутацию и торговые возможности общины [17; 18]. И все это было нужно для понимания институциональных изменений и того, как институты, сложившиеся в средние века, привели к развитию современной рыночной экономики. Под институциональными изменениями он понимает ситуацию, в которой «институт, регулировавший транзакцию, больше не является самоподдерживающимся, когда он воспринимается как теряющий свои характеристики самоподдерживаемости, или когда технологические, организационные и другие изменения порождают новые транзакции» [3, с. 224].

Подход Грейфа помогает обосновывать и методы, при помощи которого можно изучать процессы институциональных изменений. Сам Грейф пользуется историческим (качественным) методом и теорией игр (или формальным анализом). В этой работе мы используем только качественный анализ данных, оставляя формальный анализ для следующих работ. Обращение к качественным методам сбора и анализа данных позволяет уделить особое внимание культурному контексту, без которого, если верить Ханну и Вердери, понимание постсоциалистического контекста и институтов собственности, формирующихся в постсоветских странах, вообще невозможно.

Постсоциалистический контекст для эксперимента с собственностью

В последние тридцать лет значительная часть населенных пунктов, созданных на Дальнем Востоке в советское время, пришла в упадок. Разрушились дороги, обанкротились, развалились градо- и село-образующие предприятия (фабрики, комбинаты, колхозы), ликвидированы военные гарнизоны. Население стремительно убывало все постперестроечные годы, в результате в некоторых населенных пунктах остались только старики, где-то – не осталось никого. Даже там, где еще живут люди, функционируют школы, работают медицинские пункты, население резко сократилось. Имущество, особенно дома и разработанные земельные участки, оказались брошенными.

***Кейс «Брошенный дом» (село на севере Амурской области).** Раньше поселок соединялся дорогой с близлежащим городом. Сейчас дорога полностью разрушена тяжелой техникой, которая вывозила металлолом, «добываемый» с объектов, закрывшихся вместе с закрытием прииска. Этот поселок похож на многие другие: четкие ассоциации с «постапокалипсисом» – люди словно просто бежали, оставляя имущество в домах. Некоторые здания переделали из жилых домов в гаражи, приспособили под другие нужды. Много и просто в руинах, обросших деревьями, кустарником и мхом. Тут и там расположены пустыри. Большие многоквартирные дома почти нежилые.*

И. живет в восьмиквартирном деревянном двухэтажном доме около 20 лет. Квартиру получила семья от муниципалитета при при-

езде в поселок, там родилось трое ее детей. Кроме квартиры семья могла пользоваться придомовой территорией – гараж, сарай, общий огород, летняя кухня, туалет, палисадники, вольер для собак, стайки для мелких животных... Дом пустует около 10 лет. Соседи начали разъезжаться в середине 1990-х после развала золотого прииска. Когда освободилась квартира напротив, И. переехала туда как в более просторную и светлую, на тот момент с ней жил только младший сын, который вскоре тоже переехал в город. Пустая квартира (бывшая «своя») постепенно превратилась в кладовую – И. стала хранить там банки для заготовок на зиму, зимние и прочие сезонные вещи. В 2010 г. в поселок вернулась ее дочь со своей семьей. Через два года они открыли магазин и в «кладовке» стали хранить коробки и некоторые товары. Для хранения более ценных товаров оборудовали гараж из освободившейся квартиры внизу, поставили прочные ворота и повесили замки. Квартира напротив на первом этаже также вскоре превратилась в гараж, где зять поставил свою машину, а И. разметила бочки для воды и морозильную камеру. Остальные квартиры в доме (еще четыре) пустуют и «пришли в негодность»: разрушились печи и полы, облупились стены, обвалились потолки, поселились мыши.

И. и ее дочь объясняют свои действия в отношении осваиваемых квартир очень по-разному. Для И. эта почти героическая деятельность, направленная на поддержание имущества, бывшего частью ее советского, славного прошлого. Расстройство от того, что государство больше не интересуется их некогда красивым поселком компенсируется старательной личной работой по сохранению того, что можно спасти. Дочь и ее супруг ни о каком советском прошлом не думают – они больше озабочены выживанием, зарабатыванием. На обсуждение своих практик по освоению дополнительных квартир в многоквартирном доме они шли с неохотой и говорили о том, что у них есть некоторая договоренность на использование одной квартиры внизу с главой муниципалитета, на которую они собираются когда-нибудь оформить договор социального найма.

И само село, и постепенно присваиваемый дом не являются уникальными, исключительными случаями. Они достаточно распространены и являются контекстом, на фоне которого реализуется программа ДВ-гектар, контекстом, хорошо знакомым тем, кто живет на Дальнем Востоке и/или бывал за пределами трех-четырех его самых крупных городов. Контекстом, который провоцирует людей задавать гипотетическим инициаторам такие вопросы. Почему нужно что-то развивать за пределами уже созданных (имеющих инфраструктуру поселков)? Кто и за какой счет будет строить дороги и прочие коммуникации к новым точкам? Видимо, государство, и «почему там, почему не нам»? Напрашивается еще один вопрос, релевантный теме нашего исследования: какие убеждения в отношении формально определенной собственности могут иметь люди, которые либо сами присваивают брошенное, либо повседневно наблюдают за тем, как это делают другие?

Было бы наивно полагать, что подобные ситуации имеют место только за пределами крупных городов и только с «ненужной», брошенной землей или имуществом.

Кейс «ОСАГО-городок». В декабре 2016 г. администрация Владивостока на специальной комиссии приняла решение о сносе 13 павильонов страхования – 13 самовольных построек в центральном районе города. Комиссия постановила, что владельцы павильонов незаконно заняли земельные участки в районе, которое в городе за годы существования называли «ОСАГО-городок» [10]. «Городок» городские власти сносят ежегодно, начиная с 2014 г. Предложение «вывести предпринимателей в поле закона», потому как они «облюбовали это место» не

поддерживается, т.к. участок входит в «гостевой маршрут» [2]. Гостевой маршрут – проходящий через город путь с особой эстетической привлекательностью, где не должно находиться временных построек, таких как навильоны страховщиков.

Таким образом, захватная собственность – это привычная практика, или интернализированная норма, имеющая значение для любых экспериментов с институтами собственности на Дальнем Востоке, в том числе для ДВ-гектара. Материальной квинтэссенцией неопределенности прав является база кадастрового учета, которая не позволяет разрешить возникающие противоречия между «новыми гектарными» и «историческими» владельцами. Сотрудники Росреестра говорят о том, что только около половины участков, зарегистрированных в реестре, имеют точно установленные границы и площади. По Приморью эти данные еще скромнее – точные сведения зафиксированы по 305 тыс. участков, а по 402 тыс. сведения носят декларативный характер [1]. Значительная часть земли вообще не внесена (даже в декларативном порядке) в реестр. И на любой земле могут обнаруживаться незарегистрированные – или зарегистрированные с ошибками в координатах – постройки:

«Дачи, брошенные домишки, незарегистрированные огороды, все это... И ты получишь этот гектар, а там ошибка. И наши участки с дачником пересеклись. Начнется тяжба – хозяин дачи со своими мутными документами столетней давности, с какими-то очевидцами, выжившими из ума, потянется в суд. И будешь ты бесконечно (доказывать в судах – авторы (А))... Кадастры наши вообще ничего не показывают! Человек, получивший гектар, не может спать спокойно, он должен ждать неожиданностей... Дачи, построенные официально в советское время, это самая беда. Документы, хоть и допотопные, у них есть. Легче с участками, просто прихваченными для огородика. На острове вашем (Русском – А.) таких в достатке. Хотя по Русскому – вообще другая ситуация. Там военные сказали, всё стратегические земли. И даже Стрелку (архитектурное бюро, проектировавшее развитие острова – А.) с ее фантазиями не сильно-то слушали. Попасть на такого собственника – это все. Но такие случаи вообще раньше отпадают, до судов не доходят» (заявитель ДВ-гектара, Приморский край).

Захватная собственность является гибридом, возникновение которого связано как с советским прошлым, так и с постсоветской практикой. Советская идеология о том, что земля и значительная часть иного государственного имущества – это «всемирное достояние», находящееся «в пользовании всех трудящихся» нередко оборачивалась самоподдерживающимся институтом «всемирного, значит ничьего» и определяла приемлемость захватов. В постсоветское время появились правила и нормы, определяющие поведение, исключающее захваты, присвоение, посягательство на собственность, право на которое четко определено. Но этот институт не приобрел черты полностью самоподдерживающегося, в т. ч. из-за наличия объектов с нечеткими правами. А также из-за перевернутого представления о капиталистических правилах в терминах «дикого запада», «золотой лихорадки» и «захвата». Этот мозаичный контекст, в котором смешиваются патерналистские представления, либеральные установки и специфические отражения того и другого и составляют контекст, на фоне которого проводится эксперимент по реализации ДВ-гектара.

ДВ-гектар как система правил, норм, убеждений и структур, определяющих поведение заявителей

На первый взгляд, в таком специфическом контексте, помноженном на экономический кризис, у программы ДВ-гектар нет шансов на успех. Действительно, с самого начала она вызвала скепсис и недоверие

и у «обычных людей», и у экспертов. Люди начали подозревать власти в наличии скрытых мотивов, сомневаться в том, что благие намерения могут быть реализованными в существующих реалиях, беспокоиться о негативных последствиях из-за распространённости неформальных практик аренды земли китайскими фермерами [12].

«Вся земля, годная для сельхозработ, где есть хоть гравийная, хоть проселочная дорога, обрабатывается. Но участки многие не учтены (кадастром – А.). И все об этом знают, то есть и местные (власти – А.), и в городе... Но они так думают – я думаю, что так думают – или земля просто зарастает, или обрабатывается. Пусть уже лучше соя, чем елки. Но, конечно, налогов никто не платит... ну и вот пчеловоды – откровенно я думаю, никому из них и в голову не приходит, что они должны что-то там. Налоги какие-то. И поэтому вот я думаю, что настоящая цель программы не заселить Дальний Восток, не что-то там другое, а просто навести порядок, заставить всех платить налоги. И пчеловодов, и соеводов» (фермер, Амурская область).

Большинство этих сомнений так или иначе может быть интерпретировано в терминах определения прав собственности.

«Нам говорят, что большие компании и китайские, и корейские, ну и само собой московские, хотят на Дальний Восток. А я так думаю, что если хотят, то им нужна земля. А где она? У каких-то мелких фермеров, или вообще у бывших колхозников и у их детей. Они часто и сами не знают, где эта земля-то. Как-то ее там в паи оформили в 90-е и забыли. Или там у муниципалитета, какого-то сельского поселения... ну то есть у сельского поселения – это опять у бывших колхозников. Поэтому вся эта игра с гектаром позволит Москве приватизировать землю, опять обмануть обычных колхозников, как это было сделано в начале 1990-х с рабочими» (сельский житель, 60 лет, Амурская область. В ДВ-гектаре не принимал и не планирует принимать участие).

Где-то в глубинах этого дискурса скрывается идея о том, кто «на самом деле» должен владеть и кто владеет землей. Если в предыдущей цитате присутствует представление о справедливости владения землей «обычными колхозниками», то в следующей – что, не имея на то права, власти придерживают землю от передачи ее во владение (присваивая ее тем самым):

«Говоря о землях вокруг туристических зон, у моря или Пидана (самая высокая точка в Приморье – А.), надо понимать, что кадастровые карты очень низкого качества. И все это знают. Поэтому Вы находите участок, претендуете на него, а потом начинается – археологический объект у вас там, или охотничьи угодья, или еще что. Эта земля-то выгодная, но вам ее не отдадут, так как им жалко – вдруг где-то сгодится. И они выдумывают это все. (А кто они?) Власти, конечно. (Но в этом есть какой-то смысл?) А на всякий случай... не обязательно сразу оформят на себя – просто пока на всякий случай не давать. А там видно будет» (предприниматель, владелец туристской базы в поселке Приморского края, в ДВ-гектаре не планировал и не планирует принимать участие).

Несмотря на народный и экспертный скепсис и недоверие, сервис «Надальнийвосток.рф» зарегистрировал более 104 тысяч заявителей по состоянию на начало ноября 2017 г. Лишь около 30% заявок было удовлетворено – около 30 тыс. людей завершили все формальности и получили гектар. За последние три месяца, пока готовилась эта статья, ситуация почти не изменилась – количество поданных заявок выросло на 3 тысячи, но количество удовлетворенных осталось почти без изменений [8]. Стабильно невысокий процент удовлетворенных заявок говорит о том, что несмотря на обещания властей, им не удалось выстроить быстрых и простых процедур применения закона.

Кейс 1 «подводные камни». Э., жительница Владивостока, родилась и выросла в Кировском районе. ДВ-гектаром не интересовалась до тех пор, пока не увидела, как активно друг мужа занимается формированием участка под туристическую базу вблизи прибрежной зоны Хасанского района, привлекая для этого всех возможных родственников из разных регионов России. Э. и ее муж, вдохновленные примером, решили подать две индивидуальные заявки с такой же целью создания небольшого туристического бизнеса в Славянке. Вначале долго пытались сформировать заявку, справившись с этой задачей 02 февраля 2017. После ждали ответа – дольше предполагаемого месяца. Заявку вернули 10 апреля с урезанным участком и просьбой подтверждения/отклонения новых границ. Объяснили ситуацию тем, что границы участка пересеклись с муниципальной землей. Э. подтвердила изменение, хотя площадь участка сократилась почти вдвое. 17 мая пришло сообщение об отказе по обоим участкам, т.к. заявленная земля относится к охотничьим угодьям. Вместе с отказом поступило предложение ознакомиться с границами охотничьих угодий на сайте Администрации Приморского края. Э.: «это всё с какими-то подводными камнями, если честно... Причём мы, когда брали, мы же брали в феврале, и перед нами участок, там видимо была коллективная заявка, прям такой хороший, уже красным цветом выделен участок, то есть людям его уже дали. А нам почему-то не дали». Вторично заявку не подавали.

Пересечение границ участка с муниципальной землей, уточнение муниципалитетами ранее не определенных границ участков и последующий отказ муниципалитета дать землю – одна из наиболее часто работающих «моделей». В результате этого заявители получают практическое подтверждение своим сомнениям в том, что программой заложены не те механизмы, которые официально провозглашаются.

Кейс 2 «экономический закон». Житель Владивостока И. владеет земельным участком в одном из посёлков Приморского края, где он и его семья возделывают огород. Бесплодный участок земли неподалеку от своего хозяйства И. заметил давно. Имея соответствующий опыт, И. задумался о коммерческом проекте выращивания жимолости. Узнав о проекте ДВ-гектар, он решил подать коллективную (семейную) заявку на заветный участок, хотя и относился к заявлениям властей с большим скепсисом. Дата подачи заявления – 10 января 2017 г.. На «борьбу с сайтом», где очень долго загружалась карта для выбора участка, ушло три дня. На подтверждение от каждого из членов коллектива еще пара дней. Далее заявление начало двигаться из администрации муниципалитета в Департамент земельных и имущественных отношений и обратно. И так три раза. 20 марта 2017 г. пришёл отказ, в котором было указано, что на испрашиваемый участок зарегистрировано право бессрочного пользования; правообладатель – администрация муниципалитета. После полученного ответа на запрашиваемом участке никаких изменений не произошло. Получив отказ, Игорь не пытался его оспорить или подать заявку повторно, так как считает, что «сработал экономический закон»: «олигархи (получат – А.) много гектаров на Дальнем Востоке... Это же закон такой экономический: крупное поедает мелкое. Как только появится много мелких собственников с гектаром, их всех скушает рыбка покрупнее. Генезис».

Иначе говоря, программа ДВ-гектар ассоциируется с потенциальным захватом земли со стороны крупных собственников. Таким образом, на наш взгляд, срабатывают когнитивные модели, объясняющие и определяющие поведение людей. При этом захват – это не столько то, что осуждается, сколько то, что принимается нормальным «экономическим законом».

Кейс 3 «(без)рисковая инвестиция». *Е.* – ныне жительница Москвы – родилась и выросла во Владивостоке, 11 лет назад переехала в столицу. Узнала о программе ДВ-гектар из СМИ. Сначала не поверила, что земля может быть бесплатной, но поработав с сайтом, найдя нужную информацию, решила поучаствовать в программе, так как, по ее словам «в принципе это ни к чему не обязывало». На участке планировала строительство летнего дома (дачи), т.к. ежегодно навещает родителей. Прежде чем оформить заявку, попросила их осмотреть участок. Заявка была подана в феврале 2017 г. Процедура заняла полдня. Участок находится вблизи населенного пункта, поэтому к нему есть дорога. Единственный минус – отсутствие непосредственного подъезда к участку, но *Е.* надеется мирно договориться с соседями, так как они «обязаны предоставить ей сервитут» (то есть участница гектара уверена, что сможет «захватить» и имеет право на «захват» части земли под дорогу к своему участку – А.). Заявление было предварительно согласовано и направлено в кадастровую палату, где выяснилось, что участок относится к охотничьим угодьям. «На мой взгляд, это ...странно, потому что там вокруг одни дачи. И как этот мой маленький кусочек посередине отнёсся к угодьям?». Без особых сложностей дозвонившись до администрации муниципалитета, *Е.* получила информацию, что с 1 октября 2017 г. вступит в силу закон, который разрешит оформление охотничьих угодий по программе ДВ-гектар. Однако, на момент интервью (5 октября 2017 г.) изменений нет, заявка в «подвешенном» состоянии. Если заявку в итоге одобряют, *Е.* планирует тщательно изучить условия договора. При наличии сомнений в гарантированной передаче участка в собственность, семья не станет вкладывать свои средства в его разработку.

Важно обратить внимание читателя на то, что мотивация участия людей в ДВ-гектаре не выглядит клиентелисткой в том смысле, что люди ожидают какой-то помощи со стороны властей. Наши собеседники, как правило, понимают, что земля потребует инвестиций труда, времени и денег. Пытаясь счастья в программе, люди не надеются на какую-то помощь государства.

«Я взял, у меня пчелы. Кто знает, что там дальше будет? Все приватизируют, раздадут... Хотя кому раздадут? Масса сообщений, что люди собираются строить дом на своих гектарах. Вот я очень слабо понимаю, о чем вообще говорят. Гектары должны располагаться в 10 километрах от райцентров, в 20 – от больших городов. Они не могут находиться внутри большинства «живых» населенных пунктов – районных центров. То есть дом надо строить где-то в полуброшенной деревне или там, где нет электричества, дороги, школы. А зачем такой дом? Или сколько он должен стоить, если к нему вести электричество, платить за все согласования... Или что это будет за дом? Сарай? Еще есть реклама, иначе и не назовешь, что власти помогут чем-то. Чем? Дадут три кубометра леса? Чтобы построить большой и хороший сарай в лесу без электричества и дороги?» (участник программы ДВ-гектар, пчеловод, Амурская область).

Этот респондент – как и многие другие люди, с которым мы общались – подчеркивает разрыв между тем, как уполномоченные структуры дискурсивно оформляют ДВ-гектар, и тем, что реально ими может быть сделано. Это наблюдение приводит нас к следующему заключению.

Рассматривая ДВ-гектар по существу, вряд ли кто-то опишет его в патерналистских терминах бесплатности или льготности: земельные участки в большинстве своем крайне удалены от общественных благ в виде больниц, школ, детских садов, а также минимально необходимой инфраструктуры в виде дорог, электро- и водоснабжения. Ведение бизнеса, да и просто выживание на подобных участках по сути является

квинтэссенцией даже не либерализма, а неолиберализма с его отказом от социальной защиты государством в пользу принятия экономическим агентом полной ответственности за свой бизнес / свою жизнь.

Сравнивая дискурсивное оформление ДВ-гектара с активным словарем периода либеральных реформ 1990-х можно заметить, как сильно изменились даже формальные термины, описывающие похожие практики передачи бывших государственных активов. Например, целью Закона о приватизации жилья (1991 г.) было «создание условий для осуществления права граждан *на свободный выбор* способа удовлетворения потребностей в жилище» [5]. Цель Закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий (1991 г.) состояла в «преобразовании отношений собственности на средства производства ... в целях создания эффективной, социально ориентированной *рыночной экономики*» [6].

За тридцать лет эксперимента перехода к рынку, либеральная повестка, как и рыночные реформы вообще, попали в России под большой вопрос. Сомнения в правильности избранной модели развития продиктованы отнюдь не только политическими предпочтениями элит, но и неудовлетворенностью населения своим текущим и прогнозируемым положением. Понимая это, власти пытаются искать если не новую модель развития, то хотя бы новые технические решения и, что не менее важно – приемлемые слова (когнитивные схемы) для их описания. Отсюда и возникают термины «бесплатный», «социальный», и «льготный», оформляющие технические решения (такие как ДВ-гектар), в чем бы на самом деле эти решения не состояли.

Что, впрочем, действительно интригует в программе ДВ-гектар, так это то, что принимать полную ответственность гражданин, по мнению государства, должен не для получения права «*на свободный выбор* способа удовлетворения потребностей в жилище» (как во время приватизации жилья в начале 1990-х), не для получения «надельной земли» для ее дальнейшего экономического оборота (как во время «Столыпинской реформы» начала XX в.), не для получения «свободной земли для свободного фермера» (как во времена американского гомстеда XIX в.), но для «освоения дальневосточных территорий», то есть для решения государственных задач.

Не приходится подозревать, что «обычные люди» объясняют возможность получения прав собственности в рамках программы ДВ-гектар как освоение территории Дальнего Востока или тем более как заботу государства. Для них – это скорее возможность взять, захватить то, на что они «имеют право».

Литература

1. Гектар под линейку. О реализации «дальневосточного гектара» в Приморском крае // Деловое интернет-издание Дальнего Востока. 27 июня 2017. Интервью заместителя директора филиала ФГБУ «ФКП Росреестра» по Приморскому краю И. Дмитриенко. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/society/primorje_27.06.2017_84107_gektar-pod-lineechku.html (дата обращения: 08.08.2017 г.).

2. Городок злых нарушителей: депутаты обсудили «массовое самоуправство» на кольце 3-й Рабочей // PrimaMedia.ru [Электронный ресурс].

URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2017/02/08/156277/#ixzz4xQYl82Uf> (дата обращения: 20.10.2017 г.).

3. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 532 с.

4. Закон о дальневосточном гектаре // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_о_дальневосточном_гектаре (дата обращения: 10.10.2017 г.).

5. Закон РФ от 04.07.1991 N 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/ (дата обращения: 10.10.2017 г.).

6. Закон РФ от 03.07.1991 N 1531-1 (ред. от 17.03.1997) «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97/ (дата обращения: 10.10.2017 г.).

7. Закон РФ от 01.05.2016 N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант.ру [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71288648/#ixzz4xYZrTVNB> (дата обращения: 10.10.2017 г.).

8. На Дальний Восток.рф [Электронный ресурс] URL: <https://надальнийвосток.рф/> (дата обращения: 10.10.2017 г.).

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

10. ОСАГО-городок на 3-й Рабочей во Владивостоке снесут // PrimaMedia.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/563809/> (дата обращения: 20.10.2017 г.).

11. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков в Дальневосточном федеральном округе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Государственная дума. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/\\$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement) (дата обращения: 10.10.2017 г.).

12. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 5(76). С. 7–35.

13. Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*, 2001, 91(5). Pp. 1369–1401.

14. Barro R. Determinants of economic growth: A cross-country empirical study. NBER Working Paper 5698. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research, 1996. 118 p.

15. Besley T. and Ghatak M. Property rights and economic development // *Handbook of Development Economics*, 1st ed. Ed. by D. Rodrik and M. Rosenzweig. Elsevier, 2009. Pp. 4525–4595.

16. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*, 2004, 9(3). Pp. 271–303.

17. Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: An Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *Journal of Political Economy*. 1994. 102:5. Pp. 912–950.

18. Greif A., Milgrom P., Weingast B. Coordination, Commitment and Enforcement: the Case of the Merchant Guild // *Journal of Political Economy*. 1994. Vol. 102. P. 745–776.

19. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. 2003. Vol. 1. Münster: LITVERLAG. Pp. 1–41.
20. Macfarlane A. The mystery of property: inheritance and industrialization in England and Japan // Property Relations. Ed. by C.M. Hann. University of Kent at Canterbury. 1998. Pp. 104–123.
21. McArthur J. W., Sachs J. D. Institutions and geography: comment on Acemoglu, Johnson and Robinson (2000). NBER Working Paper No. W8114. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research. 2001. 24 P.
22. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. UK: Cambridge University Press, 1990. 164 p.
23. Fogel R. W. The Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100: Europe, America, and the Third World. New York: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
24. Rodrik D. What Produces Economic Success? // Economic Growth with Equity: Challenges for Latin America. Ed. by R. French-Davis and J. L. Machinea. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 27–43.
25. Schmid A. An Institutional Economics Perspective on Economic Growth. Michigan State University Paper, 2006. 25 p.
26. Verdery K. The vanishing hectare: property and value in postsocialist Transylvania. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 426 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gektar pod lineechku. O realizatsii «dal'nevostochnogo gektara» v Primorskom krae // Delovoe internet-izdanie Dal'nego Vostoka. 27 iyunya 2017. Interv'yu zamestitelya direktora filiala FGBU «FKP Rosreestra» po Primorskomu krayu I. Dmitrienko. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru/society/primorje_27.06.2017_84107_gektar-pod-lineechku.html (data obrashheniya: 08.08.2017 g.).
2. Gorodok zlostnykh narushitelej: deputaty obsudili «massovoe samoupravstvo» na kol'tse 3-j Rabochej // PrimaMedia.ru [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2017/02/08/156277/#ixzz4xQY182Uf> (data obrashheniya: 20.10.2017 g.).
3. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomie: uroki srednevekovoj trgovli M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomie, 2013. 532 s.
4. Zakon o dal'nevostochnom gektare // Vikipediya. Svobodnaya ehntsiklopediya [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zakon_o_dal'nevostochnom_gektare (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).
5. Zakon RF ot 04.07.1991 N 1541-1 «O privatizatsii zhilishhnogo fonda v Rossijskoj Federatsii» // Konsul'tantPlyus [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/ (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).
6. Zakon RF ot 03.07.1991 N 1531-1 (red. ot 17.03.1997) «O privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatij v Rossijskoj Federatsii» // Konsul'tantPlyus [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97/ (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).
7. Zakon RF ot 01.05.2016 N 119-FZ «Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashhikhsya v gosudarstvennoj ili munitsipal'noj sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub"ektov Rossijskoj Federatsii, vkhodyashhikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii» // Garant.ru [Ehlektronnyj resurs] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71288648/#ixzz4xYZrTVNB> (data obrashheniya: 10.10.2017).
8. Na Dal'nij Vostok.rf [Ehlektronnyj resurs] URL: <https://nadal'nijvostok.rf/> (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

9. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D. Uzmanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
10. OSAGO-gorodok na 3-j Rabochej vo Vladivostoke snesut // PrimaMedia.ru [Elektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/563809/> (data obrashheniya: 20.10.2017 g.).
11. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov v Dal'nevostochnom federal'nom okruge i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii // Gosudarstvennaya дума. Ofitsial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/\\$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement) (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).
12. Ryzhova N.P. Zemlya i vlast': razlichiya v podkhodakh k issledovaniyu sobstvennosti (sluchaj neformal'nogo zemlepol'zovaniya kitajskikh fermerov) // ZHurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 2014. T. XVII. № 5(76). S. 7–35.
13. Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*, 2001, 91(5). Pp. 1369–1401.
14. Barro R. Determinants of economic growth: A cross-country empirical study. NBER Working Paper 5698. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research, 1996. 118 p.
15. Besley T. and Ghatak M. Property rights and economic development // *Handbook of Development Economics*, 1st ed. Ed. by D. Rodrik and M. Rosenzweig. Elsevier, 2009. Pp. 4525–4595.
16. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*, 2004, 9(3). Pp. 271–303.
17. Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: An Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *Journal of Political Economy*. 1994. 102:5. Pp. 912–950.
18. Greif A., Milgrom R., Weingast V. Coordination, Commitment and Enforcement: the Case of the Merchant Guild // *Journal of Political Economy*. 1994. Vol. 102. P. 745–776.
19. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. 2003. Vol. 1. Münster: LITVERLAG. Pp. 1–41.
20. Macfarlane A. The mystery of property: inheritance and industrialization in England and Japan // *Property Relations*. Ed. by C.M. Hann. University of Kent at Canterbury. 1998. Pp. 104–123.
21. McArthur J. W., Sachs J. D. Institutions and geography: comment on Acemoglu, Johnson and Robinson (2000). NBER Working Paper No. W8114. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research. 2001. 24 P.
22. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. UK: Cambridge University Press, 1990. 164 p.
23. Fogel R. W. *The Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100: Europe, America, and the Third World*. New York: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
24. Rodrik D. What Produces Economic Success? // *Economic Growth with Equity: Challenges for Latin America*. Ed. by R. French-Davis and J. L. Machinea. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 27–43.
25. Schmid A. *An Institutional Economics Perspective on Economic Growth*. Michigan State University Paper, 2006. 25 p.
26. Verdery K. *The vanishing hectare: property and value in postsocialist Transylvania*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 426 p.